

27.01.2012

Дмитрий Хворостовский: «Я словно и не уезжал из Красноярска!»

Дмитрий Александрович Хворостовский родился 16 октября 1962 года в Красноярске. Сольфеджио начал изучать в музыкальной школе № 4 (ул. Гастелло, в р-не завода «Сибтяжмаш», тогда родители жили в том краю). Окончил педагогическое училище им. М. Горького. В Красноярском институте искусств учился у профессора Екатерины Константиновны Иофель. Ещё студентом начал петь в театре оперы и балета. В 1987 году получил первую премию и звание лауреата на Всесоюзном конкурсе певцов им. М. И. Глинки. 1988 — Гран-при на международном конкурсе в Тулузе (Франция). 1989 — победа на телеконкурсе Би-би-си «Певец мира» в Кардиффе (Великобритания) и присуждение титула «Лучший голос». У Хворостовского четверо детей. Двойняшки Александра и Данила от первого брака, Максим и Нина от второго с Флоранс Илли. Народный артист России и, что особенно приятно для нас, почетный гражданин Красноярска. В середине ноября с единственным концертом в родном городе выступил Дмитрий Хворостовский. Билеты на концерт разошлись за неделю, ещё в августе. А перед началом концерта многочисленные поклонники не теряли надежду на лишний билетик. Мне доводилось общаться с именитым земляком в каждый его приезд с конца 90-х, и могу констатировать, что интерес к его персоне остается неизменно высоким.

Понимал это и другой наш великий земляк писатель Виктор Астафьев, который в разговоре с Дмитрием, который приезжал к нему в Овсянку, заметил: домой таким людям как ты, нужно возвращаться только на белом коне! В общем-то, так и происходит. Пожалуй, он единственный исполнитель, кто, выступая на сцене БКЗ, может позволить себе роскошь... отказаться от микрофона. А ещё не только разрешить, но и специально пригласить на репетицию студентов академии музыки и театра, понимая, что у них возможности попасть на его концерт не будет. Более того, начав репетицию с симфоническим оркестром под управлением Марка Кадина, певец, не увидев студентов в партере, прервал процесс и поинтересовался: а где же творческая молодежь? Оказывается, руководство зала решило запустить студентов только на балкон. Тогда Дмитрий Александрович настоятельно потребовал пропустить их в партер. После репетиции Хворостовский, явно в прекрасном расположении духа, отвечал на вопросы прессы.

— После ремонта вы впервые опробовали звуковые качества БКЗ, где неоднократно пели ранее, находите различия?

— Я даже не представлял, что в нем можно так комфортно петь. Зал был не акустический, а сейчас акустический. С чем я всех вас, а вернее всех нас, и поздравляю! Вполне приличный зал. На сцене нормальные театральные ощущения. Очень рад за Красноярск, я всегда слежу и горжусь успехами земляков.

— К сожалению, редко бываете. Последний раз выступали два года назад в оперном театре...

— Причем, примерно в это же время. А время понятие относительное. Мне кажется, что это было совсем недавно, как будто и не уезжал. Для меня всегда счастье — быть на родине и петь перед вами. У меня достаточно программ, идей и настроения, чтобы чаще с вами делиться. Я всегда рад быть здесь и видеть, хотя бы на репетиции, студентов. Для них, по-моему, это особенно ценно.

Помню, когда учился, дважды приезжал Святослав Рихтер, и нас пускали в и без того переполненный МКЗ. Мало того, Рихтер хотел, чтобы кто-то из студентов был его концертмейстером и, кажется, выбрал меня, а я очень испугался и отказался. Зря. Сейчас об этом жалею, а тогда страшно стало (*Улыбается.*) Приезжали и другие известные музыканты и для нас, студентов, это была прекрасная практика.

— Вы много гастролируете и вас, несомненно, спрашивают о Красноярске, о Сибири, как описываете родной край?

— Я, прежде всего, говорю о людях. О том, какие сильные, честные, прямые люди здесь живут, которые, как правило, держат слово. А если что-то делают стоящее, то делают тихо. А не бьют себя в грудь: смотрите, я то, вот что делаю! Это характер сибирский.

— А о тех же пресловутых медведях на улицах интересуются за рубежом?

— В таких случаях, я говорю: знаете, у нас медведи прямо по улицам ходят, причем, белые. Просто беда с ними! Некоторые верят мне. А я понимаю, ну, о чем тогда с такими людьми говорить? *(Смеется.)*

— **Есть разница, для какой публики петь: красноярской, европейской, американской?**

— Каждый раз, выходя на сцену, я другой. Соответственно, реакция публики не может быть одинакова. Хотя есть, конечно, разница, здесь по-русски понимают, больше любят, здесь мой родной город, здесь меня знают, обсуждают, может быть, и осуждают, но это не важно. Выходя на сцену, артист начинает все с нуля. Никакие регалии и заслуги здесь не имеют значения, артист должен пройти этот путь от начала до конца, чтобы найти контакт, диалог со зрителем, сделать его сопереживающим. Это всегда тяжелый, как жизнь, путь. Нередко говорят: публика дура. Я так не считаю, она имеет свои привычки, свою инертность, но публика выше, чем ты, или кто-либо. Когда ты это знаешь, то ориентируешься на самое-самое. И не важно, русскоязычная публика или нет.

— **Вы уже в курсе, что достроена Академия музыки и театра?**

— Институт искусств, в котором я получил образование (тогда он назывался так), долгое время оставался недостроенным, что меня очень печалило. Здание разрушалось, а студенты занимались в неподготовленных классах, не было своей сцены, очень неприятная история. Несколько лет подряд, выступая здесь, все свои гонорары я перечислял в фонд строительства и в фонд стипендий студентов. Завтра днем ректор академии пригласил меня в гости, показать новые классы и залы, с удовольствием посещу альма-матер. Это известие меня вдохновляет, как и в целом изменения в облике города. Город стал чище, интереснее, а люди на улицах больше улыбаться.

— **Около двадцати лет вы живете в Лондоне, а где вам комфортнее?**

— В Лондоне мой дом, моя семья, в которую мне приятно возвращаться. Правда, из-за гастролей там я бываю редко. В Лондоне я чувствую себя привольно, а стало быть, комфортно. Зато оттуда удобно добираться до любой страны.

(От автора. В 2006 году семья Хворостовских приобрела квартиру общей площадью 120 кв. м в западной части Лондона, в районе Хаммерсмит. Такое же название носит станция метро. Здесь строится жилье бизнес-класса. В этом районе проживает более 30 процентов русских семей. В среднем квартира в этом районе стоит около 500 тысяч фунтов. Жилье пришлось сменить из-за увеличения семьи. Тогда сыну Максиму было шесть лет, и у него появилась сестренка Нина. Старшие дети Хворостовского от первого брака также живут в Лондоне со своей мамой, первая жена Дмитрия из Красноярска. Отец старается уделять внимание всем своим детям.

Нынешнюю супругу зовут Флоранс, по-домашнему Дмитрий зовет её Флоша. Она закончила консерваторию в Женеве, училась в оперной школе во Франции. Мать — итальянка, отец — француз. Родители занимаются антиквариатом. В 1999 году

Хворостовский пел Дон Жуана в Женеве, а Флоранс, надо же, играла роль одной из его возлюбленных и по замыслу режиссера они целовались на сцене. Флоранс тогда было 29 лет. Видимо, с этого волшебного поцелуя и начался их роман. Пару раз супруга приезжала с мужем на его родину. Дмитрий называет жену душой дома. К ней он и адресовал меня с вопросом о своем семейном гнездышке).

— Дом в типичном лондонском стиле, с отдельным входом и небольшим садиком, мы нашли по объявлению, — делилась Флоранс, благо она освоила русский язык, да и Максим с трехлетнего возраста говорит с папой по-русски. — В цокальном этаже — гостевая комната, где уже останавливались родители Дмитрия и музыкальный салон с черным роялем, а также кухня, выходящая во двор, где летом, мы и завтракаем, если нет дождя. В гостиной есть камин ручной кладки, но топится не дровами, а на газу. На втором этаже детские комнаты и кабинет мужа. На самом верхнем этаже спальня со стеклянным потолком. Дизайном я занималась сама. И мебель выбирала сама. Интерьер довольно аскетичен, но есть бронзовые скульптуры, венецианское зеркало, картины в золоченых рамах, полка с книгами. Хотели привезти и постелить в доме на пол ковер ручной работы дагестанских мастеров с портретом мужа — подарок от председателя Совета Федерации, но Александр Степанович (*Димин отец*) не разрешил ходить по лицу и предпочел повесить ковер у себя на стенку. Самое дорогое у нас в доме — это детский смех!

— **Дмитрий Александрович, детям на каких языках колыбельные поете?**

— Максим уже вышел из такого возраста, а Нине мама поет на французском, я — по-русски. Максим, надо заметить, уже в два года понимал оба языка, а вскоре еще два освоил. Я, как правило, распеваюсь дома с Максимом. Он слушает и мне не мешает, похоже, ему нравится.

Геннадий КАЛЕДА